

– Ты готова, Ань?

Нет. Я совсем не готова! Прошла всего неделя с поисков Арины. Дело закрыто, но родители беспокоятся за отношения с дочкой.

Маша с Олей предложили мне попробовать себя в качестве наставника.

В фонде «Поиск пропавших детей» есть специальная программа реабилитации после побегов – «Наставник». С подростками и родителями общаются психологи, проводятся познавательные и развлекательные занятия. Она нужна, чтобы дети не сбегали повторно.

Мне всегда нравилось это направление, но самой выступать в роли наставника слишком ответственно! – Аня, хватит себя недооценивать! В реабилитации нужны люди. Ты и образование получила подходящее, и с людьми по-доброму общаешься, отзывчивая. Тебе надо попробовать! Маму зовут Елена Викторовна, отца – Андрей Михайлович. – Оля почти заталкивала меня в подъезд.

Черт возьми. Это все не обо мне! Я со своим желанием угодить совершенно не умею говорить нет. Ну какой из меня наставник? Ни дня практики не было, образование за уши притянуто.

С трясущимися коленями я поднялась на восьмой этаж. Позвонила в дверь и вздрогнула от резкого звука. Дверь открылась почти сразу.

– Анечка? Меня предупредила ваша старшая, что вы придете. Проходите, пожалуйста. На кухне будет удобно? Будете чай или кофе? – Передо мной стояла красивая темноволосая женщина, аккуратная, легкая, изящная.

– Дай человеку войти спокойно! Здравствуйте, Анна! – В коридор вышел отец Арины, протянул руку, словно деловому партнеру. Уверенный, серьезный.

Они оба выглядели настолько нормально, что я растерялась.

– Здравствуйте. Спасибо, я, наверное, откажусь от чая. У меня не очень много времени.

Мы прошли на кухню.

На меня нетерпеливо смотрели две пары воспаленных глаз.

Я вздохнула – как-то очень громко и резко.

И рассказала.

Рассказала о себе все, с самого начала. О детстве и юности. О том, какие моменты меня ломали. Как на всю жизнь запомнила фразу «А тебе-то зачем?»

Рассказала, как важно было слышать искренность в мамином голосе. Как хотелось узнать ее ближе. Как нужна была не фальшивая поддержка, а настоящая вера в меня.

Мы разговаривали долго. Об Арине, о том, как она чувствует себя сейчас. Пытались понять, что могло ее обидеть и чего ей не хватало.

Елена Викторовна оказалась чуткой мамой, немало тревожной – и оттого, возможно, опекала сильнее, чем надо. Андрей Михайлович, напротив, сдержанный и твердый, мог показаться ребенку холодным и бесчувственным.

И их Арина – чувствительная, эмоциональная, яркая девочка. Хочет стать актрисой. Мечтает о непонятных родителям приключениях.

И все.

Ничего такого, что могло бы вызывать серьезные опасения. Никаких пьющих родственников. Брошенных детей. Бедности. Разрухи.

Ничего, что не решалось бы разговором.

Просто подросток, которого перестали понимать мама и папа.

Как легко они потеряли эту дружбу, связь со своим ребенком. Не заметили, что Арина выросла и учится стоять на своем. Выбирать. Принимать решения. И сами не поняли, как попали в эту ситуацию.

Ближе к семи вечера за мной зашли Маша с Олей – пора было возвращаться домой.

– Елена Викторовна, Андрей Михайлович, если решитесь участвовать в программе реабилитации, свяжитесь со мной. Сможете пообщаться с психологом. Может быть, и наша Анна подключится! – Маша еле заметно подмигнула мне.

Мы тепло попрощались с родителями и двинулись к метро.

Навалилась усталость. У меня едва хватало сил переставлять ноги.

Я проспала всю дорогу до своей станции, как будто не ложились неделю.

Уже подходя к дому, прочитала сообщение:

Маша:

Знаю, ты еще не определилась с участием в программе.

Но Арина осталась пока у тетки. Родители подумали и разрешили ей пожить отдельно. Говорят, что не хотят давить и постарались дальше сами разобратся. Так что с этой семьей пока отбой.

Ты сегодня отлично поработала.

19:46

Как, Арина осталась? Я перечитала сообщение. Все так: они прислушались к своей дочери.

Оказывается, бывают и такие родители.

и там не правы. А у меня все по-другому, поэтому со мной такого не случится».

Но это самообман. Случиться может с каждым.

Намного проще жалеть себя и переносить на детей свой опыт, чем разглядеть их чувства.

Я спасала дочку от того, чего боялась сама, — навязчивости, наглости, неуважения, вмешательства. А она хотела тепла и близости. Искренности. Быть со мной рядом.

Намного проще быть хорошей для чужих, чем для близких. Уступать, приходить заранее, быть отзывчивой.

Этакая доброта из страха брать ответственность на себя.

Мне надо было о многом подумать.

Утром я позвонила маме, хотела поговорить. Но, наверное, не все родители готовы слышать. И не все дети готовы с этим мириться.

Поэтому она через неделю переезжает обратно, на другой конец города.

Осталось решить пару вопросов с волонтерством.

— Алло, Маша? — Я вздохнула. — Я не могу больше участвовать в поисках. Всю ночь думала. Ведь я не детей искала, а решала собственные проблемы с мамой, что-то ей доказывала. И, занимаясь этим, запустила отношения с дочкой. Сначала мне надо позаботиться о себе и своей семье. Позаботиться о том, чтобы сделать двух самых близких людей счастливыми. Дочку и саму себя.

— Хм. Вот это да. Хорошо, Ань, я тебя поняла. Но если передумаешь, мы тебе всегда рады! Возвращайся.

— Не буду обещать. Не уверена, что это мое. Но, знаешь, я тут купила себе литературные курсы. Я обязательно напишу рассказ о нашем поисковом отряде.

Обязательно напишу.

Ведь если я, взрослая, не сумела решить проблемы с мамой, то как сложно это дается подросткам?

Они всегда будут убегать. Даже из «благополучных» семей.

И родители должны знать, что так бывает и что есть люди, которые хотят и могут помочь.

Фонд «Поиск пропавших детей» в социальных сетях:

https://vk.com/poisk_msk

<https://www.instagram.com/poiskdetei/>

8 (800) 301-12-01